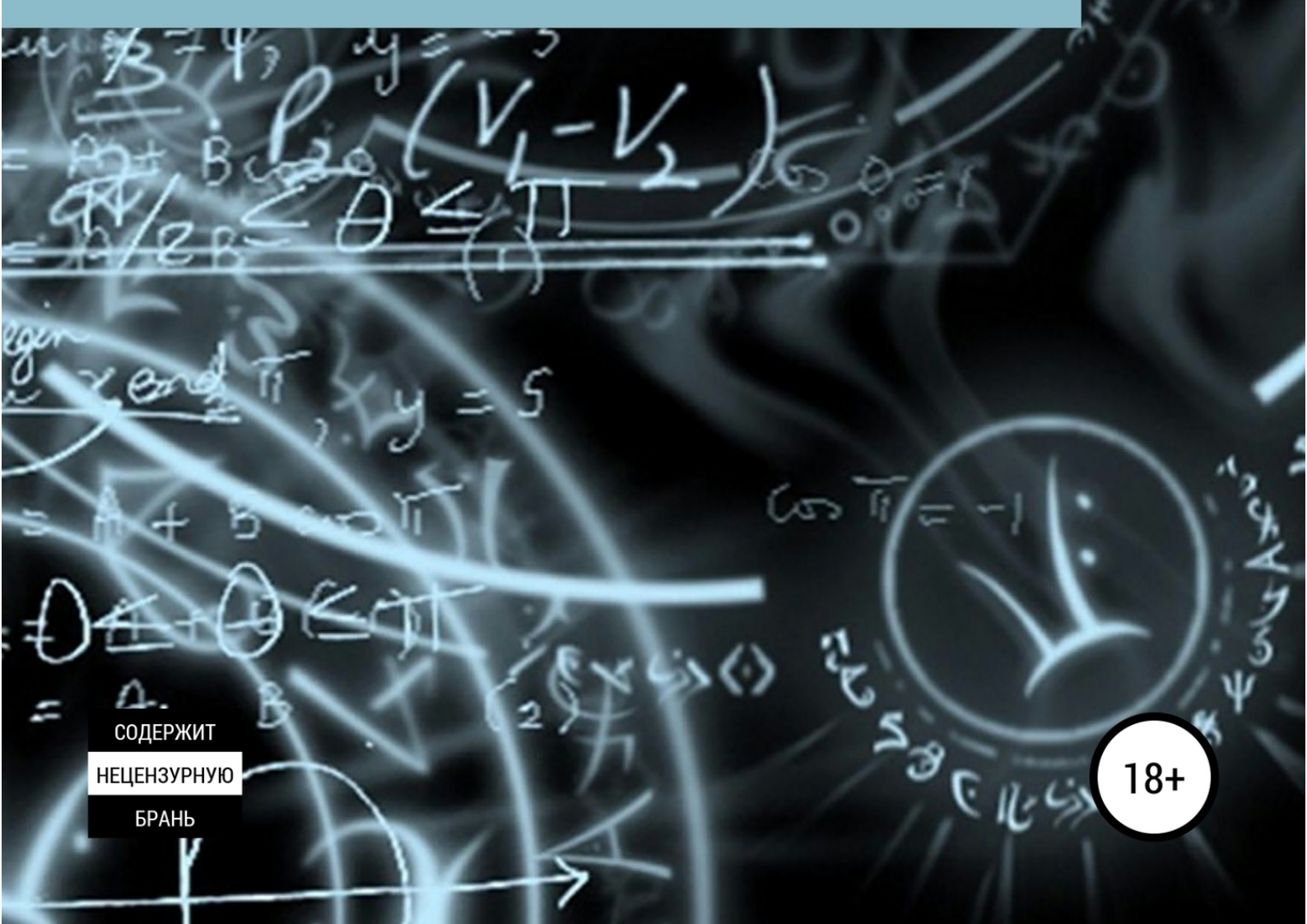

Дмитрий Пермяков

Хромой Плакальщик

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Пермяков
Хромой Плакальщик

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Пермяков Д.

Хромой Плакальщик / Д. Пермяков — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Рассказ нуар о двух днях жизни социального шизофреника. Содержит
нецензурную брань.

ДМИТРИЙ ПЕРМЯКОВ

Хромой Плакальщик

1

«Прекрасный мир ужасен...»

Подумал Платон и решил, что в этой мысли есть что-то философское. Может даже стоит записать. Но мысль дальше не пошла и он, повертев маленький засаленный блокнотик в руке, вернул его обратно во внутренний карман грязного плаща. Не имея постоянной возможности общаться с кем-либо из людей по причине социального статуса, и собственной ненормальности, он приучился вести диалог сам с собой, не замечая, что превращается в безумца. Ещё он записывал всё, что, по его мнению, звучало интересно.

«Природа всего прекрасного в этом мире, помимо Чистоты также несёт в себе переработанные продукты своей жизнедеятельности»

Платон хмыкнул, достал блокнотик, огрызок карандаша и быстро записал мысль. Подумал, постукивая себя карандашом по нижней губе и дописал «Кому-то достается жить, вкушая манну Прекрасного, а кто-то довольствуется бультыханием в фекалиях»

Ему не понравилось слово «бультыхание», но больше пока ничего на ум не приходило. Блокнот снова исчез в кармане. Платон поёжился на промозглом ветре, запахнулся плотней в свой старый коричневый плащ и достал с кармана брюк бутылку дешёвой водки «ПГ». Пирс, где он стоял под разбитым фонарём, пустовал. Ветер вяло гонял по чёрным гнилым доскам настила смятые брошюры, рваные пакеты, целлофановые цилиндрики из-под одноразовых шприцов. Плескалась вода реки Есле, разбивая небольшие волны об деревянные опоры причала.

Платон сделал два больших глотка из бутылки, шумно вдохнул носом воздух, пропитанный запахом сырости, водорослей и гнилых досок и спрятал водку. Со стороны восточных доков, из наползающего с реки густого серого тумана послышался заунывный вой собаки. Скулящий и протяжный как крик баньши. Платон подумал, что псы так воют по покойнику. Слеза навернулась в правом уголке глаза бродяги, набухла и стекла по щеке, оставляя в грязи светлую дорожку. Засаленным рукавом плаща он быстро вытер её. Желудок издал сосущий булькающий звук, ужасно захотелось кушать. Ополовиненная бутылка водки снова появилась в руке. Глоток, ещё глоток, сухой кашель. Платон сжал зубы, чтоб его не вырвало. Алкоголя больше не было, так же, как и денег на него, а до вечера надо было дотянуть.

«Над моей головой висит мост...» вслух сказал Платон, чувствуя, что немного опьянел и сейчас родится очередная, по его мнению, интересная мысль. «По нему проезжают машины. Сотни машин. Я слышу, как гудят клаксоны, как режут двигатели особо мощных автомобилей. Звук еле слышен из-за высоты моста, но слышен. В этих машинах едут люди. Сытые люди, в дорогих костюмах, с деньгами в кармане. Для них мир прекрасен. Они чувствуют, впитывают любовь безликого существа по имени Жизнь... а людям здесь, внизу моста, достаются одни лишь экскременты этой тварьской личности»

Поняв, что вдохновение исчезло также быстро, как и нахлынуло, Платон решил пройтись по берегу в сторону лодочной станции, находившуюся дальше по берегу. Река Есле отмелела, обнажая коряги, сгнившие остовы машин среди которых можно было найти что-нибудь ценное. Чаще всего за добычей бомжи забирались выше по реке, где изобиловали пороги. Там Есле выходила из водного канала, что орошал в сезон полива поля с овощами на северо-востоке Холмтау, и несла свои воды дальше на юг. Канал славился на весь город как самое большое пристанище бродяг, проституток и продавцов наркотиков. Периодически ниже по течению, чаще на порогах, застревали мёртвые тела. Гнездо греха плодило трупов, иначе быть не могло.

Платон стоял под разбитым фонарём, засунув руки в карманы плаща, и слезящимися глазами смотрел сквозь дымку тумана на другой берег реки. Там, сотнями мерцающих огней, горел благополучный район Холмтау. «Для меня этот мир существует, как воплощение мазохистской жажды жить непонятно ради какой цели» Произнёс он вслух. Задумался. Дальше ничего не придумывалось. Вскинув пустую бутылку, Платон поймал языком последние капли водки, вытер слёзы и, подволакивая левую ногу, двинулся к берегу.

По-осеннему стемнело в восемь. Туман с реки плыл клочками, ветром приносило водяную пыль, которая неприятно пробирала изнутри дрожью. Луна проглядывала сквозь рваные тучи на небе. Дальше по берегу жалобно выл в ночи невидимый пёс.

Платон поднял ворот плаща и натянул на брови вязаную шапочку, чтоб спастись от промозглости. Помогло плохо. Не спеша он ковылял вдоль берега, осматривая выброшенный на берег мусор и хлам. Заметив пустую бутылку, он останавливался, поднимал её, осматривал и если тара была пригодна для сдачи, забирал с собой. Чаще попадались нестандартные бутылки, которые нигде не принимали и он со вздохом выкидывал их в сторону. Основные залежи пустой и годной тары прибывало к первым порогам, почти на выходе из канала. Там промышляли беспризорники, детдомовцы и шпана с улиц. Это была их территория, и Платон не понаслышке знал, что малолетки бывают очень жестоки на расправу с нарушителями их границы.

«То место под разбитым фонарём...» пробормотал мужчина себе под нос. «Я там стоял, глушил свои печали алкоголем, иду по берегу не помню уж о нём, иду по жизни дну, вонючим грязным полем»

Очередная найденная бутылка в куче зелёных водорослей оказалась нестандартом. Платон рассеяно повертел её в руке и отбросил, погружённый в свои странные мысли. Из головы почему-то не шла та бутылка, которую он оставил на пирсе под фонарём. Вставала картина как она там стоит, одна в темноте, отслужив свою функцию вместилища сорокоградусной влаги, что приносит временное забытие, и спасение заблудшей души бомжа. Стоит, покрываясь влагой от тумана. Исчерпавший себя ресурс.

Неожиданный вой собаки совсем рядом испугал Платона.

2

Сначала он подумал, что видит кучу мусора, который сбился в небольшой ком на порогах реки и теперь медленно плывёт по течению вниз. Потом, присмотревшись, мужчина перепугался. Сомнений не было. В воде, раскинув в стороны руки и ноги, на спине, плыл труп женщины. Белое, неподвижное лицо явно выделялось на фоне тёмных вод реки Есле. Груды, обтянутые тонкой материей платья, колыхались, словно два уродливых поплавка. В волосах запутались водоросли, мелкие ветки и обычный речной мусор вроде пакетов и щепок.

– Эй! – крикнул мужчина, и сам испугался громкости своего голоса, в этой, казалось, мёртвой тишине набережной. – Я сейчас...

Скинув на песок обувь и плащ, Платон вошёл в холодную воду по пояс, рассекая бёдрами бумажный мусор, и стал ждать приближения тела. Мертвец спокойно подплыл к нему и ткнулся головой в бок.

– Что же это... – дрожащим голосом пробормотал мужчина, не решаясь взять женщину за руку. – Кто ж тебя так...

Глубоко вздохнув, он обхватил мертвеца за запястья и задом начал выходить на берег. При жизни женщина была довольно крупной, поэтому ему пришлось попотеть, вытаскивая её на песок. Наконец тело было извлечено из воды, лишь ноги в плетёных сандалиях омывали маленькие волны.

Тяжело дыша, Платон сел рядом и с минуту сидел, восстанавливая дыхание. Потом закурил, стараясь не смотреть на восковое лицо мертвячки, глаза которой невидяще смотрели в чёрное небо. В них отражалась луна и огни города на той стороне реки.

Набережная в этом месте никогда не была людным местом отчасти из-за моста, что нависал над головой как дамоклов меч и создавал дискомфорт, отчасти из-за невообразимой грязи и мусора, который прибивался к берегу и дальше плыть не хотел.

Вой собаки послышался снова, и мужчина вздрогнул, всматриваясь в сгущающийся туман. Бродячих собак он не любил, боялся с детства. А с домашними ему ни разу в жизни встречаться не приходилось. Посидев ещё с минуту, он вдохнул полной грудью, набираясь храбрости, и повернулся к мертвецу. Женщина. Лет тридцати сорока на вид. Одета в пёстрое платье, которое местами порвалось, видимо о коряги и камни пока плыла. Длинные чёрные волосы, все в водорослях и щепках. Лицо раздулось, но не сильно. Можно угадать по чертам, что дама при жизни была не дурна.

– Я это... – сипло промолвил мужчина, нерешительно протягивая руку к телу. – Не обижайся уж подруга, только после смерти оно тебе ни к чему, а я может, горячего покушаю...

Собака завыла в тумане уже ближе, и мужчина аж подскочил на месте.

– Тьфу ты, зараза! – сплюнул он и, встав на колени, принялся обследовать тело женщины.

Колец на пальцах не было, что немало огорчило бродягу. В правой мочке уха обнаружился маленький гвоздик, по виду стоящий рублей десять от силы. Простенький, оловянный крестик на обычном шнурке мужчина тоже не тронул. Было похоже что утопленница не обладала какими либо вещами, имеющие хоть маломальскую ценность.

Мужчина шумно выдохнул и сел на песок, вытирая пот со лба.

– Меня Платон зовут, – непонятно зачем представился он. – А тебя?

Он бросил взгляд на спокойное и умиротворённое лицо покойницы.

– Катя? Наташа? Лена? Да неважно уже. Жалко что утонула ты без драгоценностей каких. Вы ж женщины любите цацки всякие. Колечки, браслетики. Я б сдал торгашу, купил бы супа горячего и выпить чего. Не везёт...

Мужчина потёр глаз грязным кулаком и печально посмотрел на показавшуюся между туч луну. Из тумана вышел старый, облезлый пёс, помахивая обрубок хвоста. Видимо он и был. Внимательно посмотрев на странный дуэт на берегу: мёртвую женщину и оборванного мужчину, он тявкнул, развернулся и скрылся в тумане.

– Заявлять я не буду о тебе, уж извини, – пробормотал Платон несколько смущённый. – Менты меня и обвинят что утопил, я их знаю. Посадят за решётку лет на десять, а свобода, милая, это всё что у меня осталось. Ты полежи пока здесь, я думаю, найдут тебя к утру. Тут мальчишки часто бегают, смотрят, не прибило ли чего к берегу. Они и сообщат куда надо. А я... – Мужчина с крихтением поднялся и стал одевать плащ – пойду пожалуй от сюда.

Надев обувь, он бросил прощальный взгляд на утопленницу и...

– Что это? – пробормотал он, внимательно смотря женщине в область живота. – Что за...?

Он медленно опустился на колени, протянул руку и откинул подол платья. Когда-то красные, а теперь грязно-бардовые кружевные трусики странно топорщились. Кровь ударила Платону в голову, стало жарко.

– Прости милая, я только посмотрю. – Извиняюще пролепетал мужчина, покраснев как помидор.

Быстро оглядевшись, не видит ли кто, чем он тут занимается, Платон запустил руку в трусики мертвецу. Пальцы сразу нащупали плотный, небольшой конверт. Осторожно вытаскивая руку, Платон случайно коснулся влагилица, которое на ощупь было похоже на ледяную медузу, и поморщился. Через пару секунд он уже сидел на песке и изучал извлечённое из трусиков. Это оказался прямоугольный конверт, плотно запаянный в целлофан.

– Предсмертная записка что ли? – задумчиво пожевал губами мужчина. – И зачем было её туда... засовывать?

Недолго думая он зубами сорвал целлофан, тут же сплюнул от омерзения, вспомнив откуда он его достал и вскрыл конверт. Внутри оказалось довольно короткое, но содержательное письмо. Шевеля губами и щурясь в темноте, Платон принялся за чтение.

3

Сократ Сергеевич держал ломбард в Несских трущобах шестнадцать лет. До момента передачи ему всех дел, его отец владел лавочкой двенадцать лет, а до этого лет двадцать принадлежал деду. Семейный бизнес можно сказать, хотя Сократ всегда морщился, словно лимон съел, когда при нём упоминали это определение. Дела шли плохо. Контингент посещающих не отличался разнообразием и финансовым достатком. Воры, шлюхи, бродяги. Кто что выловит из реки ценное, отберёт, украдёт, всё несли ему. В основной массе бижутерию, хотя изредка попадались действительно ценные экземпляры об истинной цене которой клиенты и не подозревали. Такие вещи помогали Сократу сводить концы с концами, перепродавая их в Верхних районах города. Были и любимые клиенты, которые чаще других преподносили сюрпризы в виде драгоценностей, снятых с трупов. В последний раз мелкий вор и по слухам сексуальный извращенец Таир принёс серьги с зелёными камнями, которые на проверку оказалась изумрудами. Серьги были в запёкшейся крови, и парень хотел как можно быстрее от них избавиться, поэтому сразу принял предложение Сократа о цене. Украшение Сократ продал неделю спустя за сумму в сорок раз превышающую ту, которую он заплатил Таиру.

– Зачем ты якшаешься с этим уродцем? – спросил зашедший на стакан вина дядя Сократа, Наиль. – Ты в курсе, что он делает с найденными мертвячками, если никто не видит?

– Мне всё равно, – отмахнулся Сократ, подливая дядепряного вина. – Благодаря ему, мне не приходится ложиться спать голодным, а это самое главное в нашей жизни.

– Жратва для тебя главное?! – возмутился восьмидесятилетний старик и сердито потряс жидкой бородой. – Главное – это дело всей жизни, запомни пацан! Твой дед и отец положили всё на алтарь процветания этого ломбарда, а ты только о еде и думаешь!

– Смотрю бизнес прям цветёт и пахнет, – пробормотал Сократ с неприкрытым сарказмом. Наиль обиделся, в сердитом молчании допил вино и ушёл, оставив племянника с чувством гадливости на душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.